

Татьяна Щурова

«Жизненная энергия и ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТИХИЯ...»

В этом году к 185-летнему юбилею Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького мы получили много книжных подарков.

Несколько редких изданий, как обычно, передал в отдел искусств Евгений Михайлович Голубовский, который всегда находит для фонда библиотеки уникальные на сегодняшний день, малотиражные книжки.

Думается, далеко не в каждом библиотечном собрании Украины есть, например, книга Сергея Прокофьева «Дневник-27» (Париж: Синтаксис, 1990). Она интересна для нас не только «одесскими страницами»,

но также позволяет вспомнить «яркий и смелый талант» одного из самых одаренных композиторов первой половины XX столетия Сергея Сергеевича Прокофьева (1891-1953).

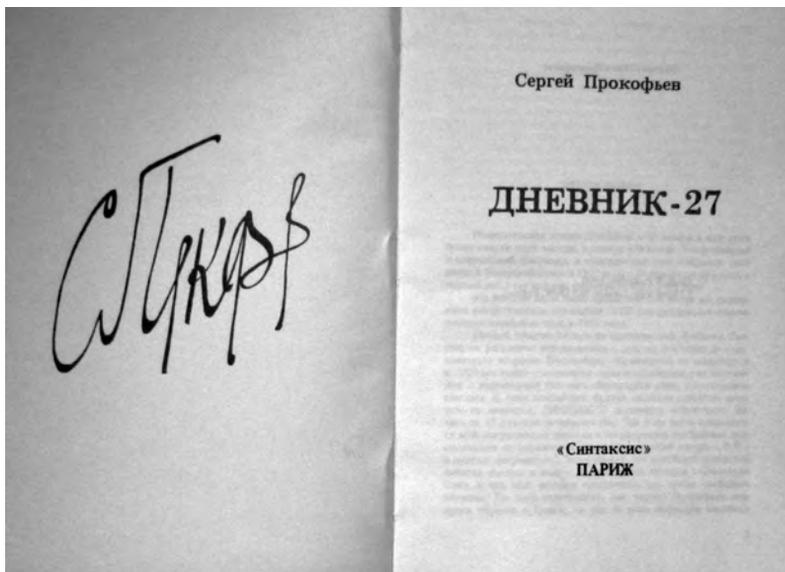
Он был незауряден с детства – в пять с половиной лет появилось его первое произведение, с шести лет мальчик сам записывал свою музыку, в 9 лет написал первую оперу «Великан». Юного Прокофьева показали Танееву, и мальчик был благословлен им на дальнейшее творчество. Ему повезло учиться у Р. Глиэра, а затем в Петербургской консерватории у А. Лядова, Н. Римского-Корсакова, Н. Черепнина. В 1908 году,

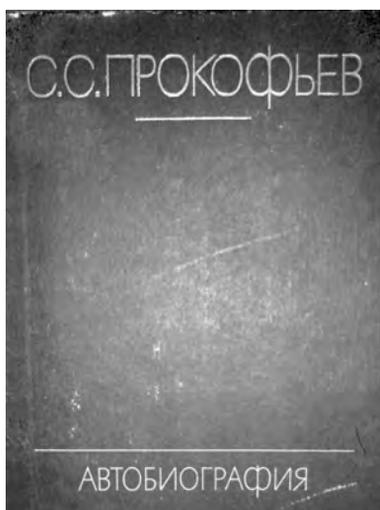

то есть в 17 лет, Прокофьев сочинил симфонию. Неудивительно поэтому, что фабрика «Шредер» на окончание консерватории присудила именно ему в 1914 г. рояль как наиболее перспективному студенту.

С 18 лет Сергей Прокофьев много выступал. Нельзя сказать, что его творчество и мастерство пианиста нравились всем. Существовала жестокая борьба мнений в музыкальной критике. Она закаляла характер, и молодой автор при этом внешне всегда был невозмутим. К тому же даже противники признавали бесспорность его дарования.

Прокофьев почти всю жизнь вел дневник. На основе своих записей позже он написал «Автобиографию» (М., 1982), где подробно описывает

период от самых ранних лет до года окончания композиторского отделения Петербургской консерватории. Получилась увлекательная повесть, в которой хочется отметить блеск литературного стиля автора, точность и лаконичность в характеристиках людей и событий.

В 1918 году Прокофьев выехал в США, по дороге успешно выступил с концертами в Японии. Потом были Франция, Германия, Англия, Италия, Испания. Зарубежная критика отмечала его «энергичный ритм и меткость гротеска, свежесть и причудливость тематических идей...».

Вернемся к парижскому изданию «Дневник-27». Книга была подготовлена к печати младшим сыном композитора Олегом. Он обнаружил машинописную копию записей отца после смерти матери (первая жена Прокофьева – Лина Любера-Прокофьева) в 1989 году в Париже. Этот документ – подробная летопись пребывания композитора в СССР с 13 января по 24 марта 1927 года день за днем. Прокофьев описал события уже дома в Париже по отдельным записям, которые он делал во время турне. Писал для себя, считает сын, «искренне и непредвзято». Читать очень интересно.

Прокофьев наблюдает, описывает, раздумывает о своих дальнейших планах (он окончательно вернулся в СССР в 1936 году). Его интересуют

детали советской жизни, эксперименты в искусстве, политики, которым в 30-е годы была уготована печальная участь. Композитор убедился, что и на родине его мастерство пианиста-виртуоза и музыкальные произведения должным образом оценены, хотя в его записках вы не найдете упоения победой над слушателем. Нужно сказать, залы во всех городах реагировали по-разному, но чаще всего в конце выступления Прокофьеву устраивали овацию и заставляли играть сверх программы.

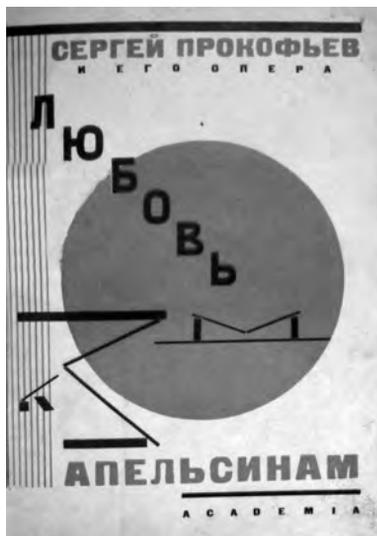
Одесса не явилась исключением. 14 и 15 марта 1927 года композитор провел в Одессе, дал

в оперном театре два концерта, которые, как писала газета «Вечерние известия», «прошли с исключительным художественным и материальным успехом». Здесь же было напечатано интервью с композитором и подробный отчет о концерте.

В «Дневнике» хорошо описана атмосфера на концертах в Одессе, реалии того времени, «свежий» взгляд на Французский бульвар, Аркадию, «Лондонскую», «Бристоль». Прокофьев хорошо запомнил южный темперамент юных одесситов, хотя конкретно ни о ком из них не написал. А ведь тогда ему показали 18-летнего Давида Ойстраха, 11-летнего Святослава Рихтера и 10-летнего Эмиля Гилельса. Дружба и сотрудничество с этими великими музыкантами начались позже в Москве и продолжались многие годы. Интересно, что все трое оставили воспоминания о первой встрече с Сергеем Прокофьевым в Одессе. Цитируем их по книге: «Прокофьев о Прокофьеве: статьи, интервью». – М., 1991. (Книга была издана к 100-летию со дня рождения Прокофьева.)

Из воспоминаний Д. Ойстраха:

«Это было большим событием. Концерты Прокофьева происходили в помещении оперного театра. Еще задолго до начала зал был уже

весь полон. (...) Не знаю почему, но я чувствовал себя именинником. (...) Игра Прокофьева поразила меня своей простотой. Ни одного лишнего движения, ни одного преувеличенно выраженного чувства – ничего, что можно было бы определить как желание произвести впечатление. (...)

После концерта одесская общественность устроила в честь композитора банкет, на котором с исполнением его произведений выступили местные музыканты. Вместе с другими приветствовать Прокофьева исполнением Скерцо из его Первого скрипичного концерта был выделен и я. (...) Менее всего я мог ожидать, что выступление мое окончится для меня таким конфузозом. (...) Во время моего исполнения лицо его делалось все более и более мрачным. Когда же по окончании раздались аплодисменты, он не принял в них участия. Сделав большой шаг к эстраде, он тут же, не обращая внимания на шум и возбуждение публики, попросил пианиста уступить ему место и, обратившись ко мне со словами: «Молодой человек, вы играете совсем не так, как нужно», – начал показывать и объяснять мне характер своей музыки. Скандал был полный...»

Из воспоминаний С. Рихтера:

«Первое, что связано у меня с именем Прокофьева, это – как все играют Марш из «Любви к трем апельсинам». Новинка, которая всем очень нравилась. И когда Прокофьев приехал в Одессу и играл свои сочинения, все решили: единственное, что хорошо, – это Марш. Он играл

КОНЦЕРТ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

Огромный интерес, вызванный в ряде крупных центров выступлением С. Прокофьева, внешне весьма ощутительно сказался и у нас. По крайней мере, вид зрительного зала городского театра и сцена, усеянная слушателями, вчера, в 1-ом концерте Прокофьева, ярко свидетельствовали об этом. Нельзя, однако, сказать, чтобы «скенитическую» Одессу Прокофьев сразу покорил. Быть может, причина здесь не только в непривычке к новым звучаниям. При большой заинтересованности к симфоническим произведениям Прокофьева (вспомним недавний решительный успех его «Классической симфонии»), быть может, лучше было бы для начала организовать симфонический концерт из произведений композитора с личным участием последнего в качестве солиста. Так, думается, творчество Прокофьева для большинства полнее и выгоднее отразилось бы.

Но, так или иначе, понадобилось пройти целому отделению, даже большей части программы, чтобы наша публика была, наконец, захвачена, даже покорена огромным дарованием Прокофьева — композитора, а равно — пианиста.

Действительно, как композитор, Прокофьев, это — его искренность, исключительного порядка. Это талант очень большой силы, весь находящийся в органическом устремлении вперед, талант, идущий в своем творчестве **самобытным** путем, им самым избранным и созданным. И, что представляется самым характерным в творчестве Прокофьева, это его искренность. Непосредственно льется творческая мысль, ни в чем не надуманная, подделывания под настроение.

Его сонаты, примерно, третья, — мало будто дошедшая до нашего слушателя. При всех ее ультра-модернистских гармониях, сколько

все таки в ней напевности, явного лиризма. А во второй сонате ритмика «скерцо», выразительная мелодика «валльса», неожиданные построения «фивалта». Как и это глубоко интересно, так и оригинально ярко!

Затем «Десять минут» — «Десять прелестных» — пьес, овеянных поэзией, но стольких каждая звучит самостоятельно и законченно. Наконец «Тоска» (старинное название пьесы в живом темпе). Это весьма выразительное произведение, которое, несомненно, войдет в обще-фортепианную литературу, как замечательный образец четкости «маршированного» ритма.

А затем — Прокофьев **доботельно** замечательный пианист. Его техника колоссальна. Богатейшие знания свойства инструментов дают ему возможность извлечь из него тончайшие нюансы (это в нашем-то разбитом «Щедрен» — особую «бархатность» звука). Какая сила удара, какая бисерная четота и четкость в передаче труднейших «прокофьевских» пассажей...

Неудивительно поэтому, что в конце концерта увлеченный зал устроил Прокофьеву шумную овацию и заставил его много выступить сверх программы.

ЛАРГО.

2-й и ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ С. ПРОКОФЬЕВА.

Сегодня в театре им. Музаварского **второй и последний концерт** знаменитого композитора и пианиста **Сергея Прокофьева** по новой программе.

Вчера концерт пришел с исключительным художественным и материальным успехом.

Вилеты продаются в кассе и в касса театра. Начало в 8 часов вечера.

У Сергея Прокофьева

Высокий, энергичный с каменноречно-угрюмым выражением лица и нетерпеливыми движениями избалованного, заискусного славы человека, Сергей Прокофьев не из числа словоохотливых и обязательных собеседников. От одних вопросов знаменитый композитор старается отделаться незначительной общей фразой, на другие — предостерегает совсем не отвечать. Беседа в начале, естественно, вращается вокруг впечатлений Сергея Прокофьева от приезда в Советскую Россию.

— Какими вы пришли сейчас музыкальной Ленинград и Москву?

— Мои впечатления, конечно, в значительной степени не полны и односторонни, так как они проходят сквозь призму отношения публики к моим концертным выступлениям... Правда, я не могу пожаловаться в этом отношении на столичную публику. Я был поражен тем вниманием, с которым она слушала и воспринимала мои произведения. С большой похвалой я должен, между прочим, отметить о «Персимфансе», который оставляет исключительно приятное впечатление серьезностью, точностью и сыгранностью исполнения им вещей.

— Остались ли вы довольны постановкой в Ленинграде вашей оперы «Любовь к трем апельсинам».

— Очень. Она превзошла мои ожидания. Я совершенно искренно высказал мое мнение, что ленинградская постановка превосходит во многих отношениях постановку моей оперы в Америке и в Германии. Между прочим, «Любовь к трем апельсинам» пойдет в Москве в большом оперном театре. Я смотрел макеты художественного оформления постановки, изготовленные художником Рабиновичем. Они оставляют прекрасное впечатление и я остался ими

очень доволен.

— Увлечетесь ли вы увлечением и последовательным модернистством?

— Я считаю этот термин сейчас устаревым. Лет 15—20 тому назад, когда кличкой «модернист» чуть ли не ругали публику, это имело свой смысл. Ну, а теперь, многие из этих модернистов уже стали признанными.

— Каковы ваши музыкальные принципы?

— **Писать хорошую музыку.** Это единственный и главный мой принцип, — весело улыбнувшись, ответил Прокофьев.

— Что нового в западной музыке?

— Мне бы не хотелось высказываться об европейских композиторах, в частности, о французских, так как ничего особенно достойного я не могу о них сказать. Конечно, самым ярким и талантливым среди них является несомненно Игорь Стравинский, который уже лет 15 живет за границей.

— Над чем работаете вы в настоящее время?

— Я заканчиваю оперу «Синий ангел» из сюжета одноименной повести Валерия Брюсова. Осенью текущего года она будет поставлена в Берлине (кроме того я занят переработкой оперы «Игроки» (не сюжет Дюма Достоевского), датированной мною еще в 1916 году. Оперы эта пойдет в будущем сезоне в Ленинграде в постановке Меерхольда.

— Как долго вы пробудете в СССР?

— Мне необходимо вернуться скорости в Париж, где начнутся репетиции моего нового балета Дягилева. Название этого балета еще окончательно не установлено. Действие его происходит в Москве в 1919 году в советское время.

А.

много, целый вечер, но ждали только Марша. И музыканты говорили: «Да, замечательно, замечательно»... но все сводилось к Маршу. (...) Однажды папа взял меня с собой – в консерваторском зале на встрече с преподавателями и студентами консерватории должен был выступать Прокофьев. В зале были сумерки. К публике вышел длинный молодой человек с длинными руками. Он был в модном заграничном костюме, короткие рукава, короткие штаны, – и, вероятно, поэтому казалось, что он из него вырос. И все такое же клетчатое, как обложка «Трех апельсинов».

Помню, мне показалось очень смешным, как он кланяется. Он как-то так переламывался – чик! Притом глаза его не изменяли выражения, смотрели прямо и потому устремлялись куда-то в потолок, когда он выпрямлялся. И лицо его было такое, как будто оно ничего не выражало.

Потом он играл. Помню, на меня произвело впечатление, как он играет все без педали и очень «законченно». Он играл свои мелкие вещи, и каждая была как элегантный деликатес в строго обдуманном меню. Для меня это было очень необычным и сильно отличалось от того, что я раньше слышал. По глупости и по детскости мне казалось, что все им сыгранное похоже одно на другое (такими же похожими друг на друга казались мне тогда и сочинения Баха).

В конце был Марш.

Публика осталась довольна. Прокофьев тоже. Он кланялся с аккуратным довольным видом: не то цирковой фокусник, не то персонаж из Гофмана».

Из воспоминаний Э. Гилельса:

«Впервые я услышал Сергея Сергеевича Прокофьева в 1927 году в Одессе. Его облик композитора-пианиста запечатлелся на всю жизнь. Помню высокую фигуру у рояля, особую, неповторимую манеру игры «наотмашь», свойственную только одному Прокофьеву».

Концерты Прокофьева в Украине состоялись тогда также в Киеве и Харькове. Интересно, что незадолго перед гастрольным турне Прокофьева по СССР были изданы две небольшие любопытные книжки, которые поступили в нашу библиотеку незадолго до его приезда. Одна из них готовила слушателя к постановке оперы «Любовь к трем апельсинам» в ленинградской Акопере. Вышла она в престижном издательстве «Academia» в 1926 году. В ней приводился автобиографический отрывок из самого композитора и очерки музыковеда Игоря Глебова (псевдоним

академика Б.В. Асафьева), дирижера Владимира Дранишникова и режиссера Сергея Радлова. Небольшие, но емкие по смыслу материалы свидетельствовали о том, что люди искусства понимали, что Сергей Прокофьев – «выдающееся явление в современной европейской музыкальной жизни, интерес к которому растет повсюду». В начале 1927 года в Ленинграде в издательстве «Тритон» Игорь Глебов напечатал монографический очерк о Прокофьеве, где вновь отметил «жизненную энергию и эмоциональную стихию» в музыке композитора.

Нужно сказать, что с тех пор появилось множество публикаций,

книг, альбомов, где раскрываются страницы творчества Прокофьева и раннего, и всех последующих периодов. Немало нового сказано о его непростой личной судьбе. Но книги, попавшие сегодня в зону нашего внимания, остаются раритетами, и интерес к ним с годами только увеличивается.

«Одесские» страницы из книги Сергея Прокофьева «Дневник-27»

14 марта, понедельник.

Утром – Одесса. На платформе встречает с десяток неизвестных мне людей – представители филармонии и Акоперы. Вообще мне неясно, от кого из двух я выступаю, и лишь впоследствии я выяснил, что раз я был ангажирован Тутельманом, то значит от Акоперы. Но т. к. меня непременно хотела иметь филармония, то Акопера меня ей перепродала, по утверждению членов дирекции филармонии, за двойную цену против уплоченной мне. Впрочем, украинская Акопера платила мне в долларах, а филармонийцы перекупали меня за рубли.

Комнаты нам были отведены в отеле «Бристоль», ныне – Красная гостиница, но по старой памяти называемая «Бристолем». Жаль, что не на берегу моря. У нас две огромнейшие комнаты, но отделенные от коридора тонкими дверьми, так что слышен шум со всей гостиницы. К тому же телефон как раз против нашей двери. От этого шума не удастся отдохнуть ни минуты.

Гуляем по Одессе. Для Пташки приезд в Одессу более значителен, чем для меня: я в Одессе в первый раз, она же жила там в раннем детстве, у дедушки, действительного статского советника и председателя суда. Здание театра она узнала сразу.

Мы вышли к морю. Порт совершенно пуст и само море серое: весна еще не началась.

Вечером концерт в оперном театре. Зал полон, и кроме того рядов пятнадцать на эстраде, что всегда придает некоторую парадность. Я с интересом рассматриваю театр, красотой которого так гордятся одесситы. Мою программу публика принимала сначала сдержанно, но затем мало-помалу разошлась, хотя

и не в той мере, как вчера в Киеве. В артистическую заходит Павлуша Себряков, который после концерта отправляется с нами в гостиницу.

15 марта, вторник.

Об этом дне записи не сохранилось. Вечером второй концерт: в том же зале, при такой же обстановке и приблизительно с тем же успехом, что и накануне.

После концерта был ужин, после которого здешний тенор превосходно спел Гадкого Утенка. Лишь аккомпаниаторша портила дело. Но его исполнение было настолько хорошо и свободно, что мне самому захотелось проаккомпанировать ему – и мы исполнили еще несколько моих романсов.

16 марта, среда.

Утром зашла к нам сестра Горчакова*. Революция и продвижение большевиков на юг разъединила ее с семьей. В свое время она пыталась перебраться в Румынию – вплавь через реку, но это кончилось неудачно. Теперь она учится в какой-то медицинской школе, живет впроголодь и вообще выглядит человеком дичащимся и недоверчивым, так что потребовалось немало ласковых слов, чтобы услышать от нее человеческое слово. Выяснилось, что больше всего она боится, как бы ее по окончании образования не послали куда-нибудь в деревню. Поэтому я обещал похлопотать за нее перед докторами, входящими в состав дирекции филармонии.

Как раз скоро подъехал один из них, доктор Гольдман, для того чтобы поехать с нами на автомобиле в Аркадию – местечко у берега моря в нескольких километрах от Одессы.

До сих пор мы видели мало разрушения в Одессе по сравнению с Киевом, лишь сильно пострадали деревья, которыми были обсажены улицы: большинство из них было вырублено на дрова. Но теперь, по дороге в Аркадию, нам как раз пришлось ехать по бульвару (кажется, Французскому), по которому в свое время с боем наступали большевики, и вдоль которого с обеих сторон жарила артиллерия. Здесь огромное множество домов и вилл,

* Сестра музыкального секретаря Прокофьева, Георгия Горчакова.

в свое время парадных, было разрушено. Др. Гольдман указывал на некоторые из загородных домов, ныне обращенные в дома отдыха для рабочих, но это было каплей в море по сравнению с общим разрушением.

В Аркадии чрезвычайно милый берег, защищенный от ветра пригорками и пригреваемый с юга солнцем. Здесь мы попали в иной климат, а др. Гольдман тем временем преинтересно рассказывал о своем прошлогоднем путешествии по Закавказью и Закаспийскому краю. Про Бухару и Хиву, с которой сообщение аэропланом. Это было тем более интересно, что живя в Париже, совершенно не знаешь, в каком состоянии эти полудикие окраины России. А между тем оказывается, что советские граждане отправляются туда для отдыха и развлечения.

Возвратившись в Одессу и расставшись с Гольдманом, мы отправились завтракать в Лондонскую гостиницу, с окнами, дающими на море. Там к нам подсел Пресняков, бывший профессор пластики в консерватории, которого там в свое время не особенно любили, но которым интересовались, т. к. к его классу естественно стремились наиболее красивые из учениц. Теперь вид у него был скорее просительный – главным образом на предмет того, как бы ему выбраться за границу, ибо жизнь в России ему осточертела.

Затем мы вернулись домой, за нами заехал Столяров** и повез в консерваторию, директором которой он теперь состоит. Я обещал поиграть сегодня для учеников, которых собралось огромное множество, казавшееся особенно множественным благодаря сравнительно тесным размерам консерватории.

Столярова я помню еще учеником Петербургской консерватории по классу скрипки, затем он стал дирижером, а теперь попал в директора, но вид у него не солидный и не директорский, что я ему со смехом и доказывал:

– Неужели вас все-таки слушают? Вы бы хоть отпустили себе бороду!

Играл я не очень много, но в набитом зале стоял страшный рев: южный темперамент одесситов постоял за себя. Когда же мы со Столяровым вышли на улицу и уселись в открытый автомобиль,

** Григорий Арнольдович Столяров (1892-1963), дирижер.

для того чтобы быть отвезенными в гостиницу, то вся консерватория, несколько сот человек, высыпала на улицу и провожала меня громкими криками; я же, отъезжая, раскланивался с ними. Словом, произошло целое народное волнение, очень симпатичное.

Вернувшись домой, мы собрали вещи и отправились на вокзал. Перед самым отъездом произошел забавный инцидент. Оказывается, какой-то тип уже второй день внизу ресторана ел, пил и заказывал дорогие блюда, говоря, что он приехал с Прокофьевым чуть ли не в качестве его секретаря. Параллельно с этим он красно рассказывал про за границу и про разные случаи из жизни Прокофьева, а хозяин и прислуга слушали и записывали съеденное и выпитое на мой счет. Когда в момент моего отъезда выяснилось, что означенный тип никакого ко мне отношения не имеет, в отеле поднялась тревога. Метр д'отель кричал:

– Подождите, я его найду! Он от меня не уйдет!

Впрочем, нам препятствий не чинили и отпустили нас с поклонами. На вокзале нас провожали приблизительно те же, кто и встречали, главным образом доктора, потому что ОФО (одесское филармоническое общество) почему-то держится главным образом докторами. Была и Горчакова с букетом фиалок, которую я и рекомендовал заботам д-ра Сигаля, одного из влиятельных членов медицинской организации, который, разумеется, все готов был для меня сделать, и, как впоследствии выяснилось, не сделавший для нее ровнешенько ничего.

Вагон нам был прямого сообщения до Москвы, но не Международного о-ва. Впрочем, у нас было удобное полукупе.

